

А К А Д Е М И Я Н А У К С С С Р
И Н С Т И Т У Т И С Т О Р И И М А Т Е Р И А Л Ь Н О Й К У Л Ь Т У Р Ы И М. Н. Я. М А Р Р А

С О В Е Т С К А Я А Р Х Е О Л О Г И Я

№ 6

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1940 ЛЕНИНГРАД

А. ТЕРЕНОЖКИН

АРХЕОЛОГИЧЕСКИЕ РАЗВЕДКИ В ХОРЕЗМЕ

Московское отделение ИИМК организовало под руководством С. П. Толстова археологическую экспедицию по изучению области древнего Хорезма на нижнем течении р. Аму-дарьи (в настоящее время эта область входит в состав Ташаузского округа Туркменской ССР), Кара-Калпакской АССР и Хорезмской области Узбекской ССР. В порядке выполнения общего плана работ экспедиции, рассчитанной на ряд ближайших лет, автор настоящей статьи произвел в 1937 г. археологические разведки в Турткульском и Шаббазском районах Кара-Калпакской АССР. Разведками удалось охватить значительное пространство, ограниченное с западной стороны руслом Аму-дарьи, с северной — горным хребтом Султан-уиз-даг, а с восточной стороны — пустыней Кызыл-кум.

Арабские географы X в. н. э. — Истахри и Макдиси, — описывая Хорезм,¹ сообщают об обследованной нами территории ряд ценных сведений. Где-то здесь проходил от Абукуша (совр. Тюя-муюн или теснина Дул-дул-атлаган) магистральный канал Гавхоре, по которому могли ходить большие аму-дарьинские суда. По течению Гавхоре было много городов и земледельческих селений, канал орошал земли обширной и густонаселенной области Арык Джардур, бравший начало из Гавхоре, снабжал водой старую столицу Хорезма — город Кят, стоявший на берегу р. Аму-дарьи. Соседство с бурной и непостоянной рекой повлекло гибель этого богатого города, известного величественным замком хорезмшахов, мечетью с какими-то замечательными деревянными колоннами, красотой построек и оживленными рынками. Как известно, разрушение г. Кята Аму-дарьей в результате размыва берега началось еще в первой половине X в. н. э., а в конце того же столетия от него уже не осталось почти никаких следов. С той поры центром Хорезма стал г. Ургенч, развалины которого лежат на левом берегу Аму-дарьи около с. Куня-Ургенча в Ташаузском окр. Туркменской ССР. Вполне естественно, что катастрофическое исчезновение старой столицы повлекло за собой некоторый экономический упадок тяготеющих к ней районов правобережья. Большой урон нанесли им соседившие в эту пору с Хорезмом воинственные племена огузов. Но особенно губительно сказались на них последствия монгольского завоевания, после которого плодородная страна превратилась в дикую пустыню. Знаменитый географ и путешественник Ибн-Батута, проехавший в 1333 г., т. е. более чем через сто лет после монгольского разгрома, из г. Ургенча в г. Бухару, пишет, что от г. Кята (на месте бывшей столицы) вплоть до г. Бухары ему не встретилось ни одного селения.³

¹ В. В. Бартольд. Туркестан в эпоху монгольского нашествия, т. II, стр. 141—155.

² А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Лгр., 1930.

³ Voyages d'Ibn-Batoutah, т. III, стр. 19—20. — В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 494.

Земледельческая культура начала возрождаться здесь лишь в XIX в. под властью Кунградской династии хивинских ханов. Процесс вторичного освоения земель древнего орошения далеко еще не закончился: полное хозяйственное использование их требует осуществления крупных ирригационных работ.

На первых порах нами были обследованы ближайшие окрестности г. Турткуля (рис. 1). Здесь, по обрывистым берегам р. Аму-дарья и в песках, окружающих город с южной и восточной сторон, следов древней жизни не обнаружено. Вслед за этим были произведены разведки в с. Шурахане и в г. Шаббазе. Крепость в Шурахане, известия о которой восходят к X в.

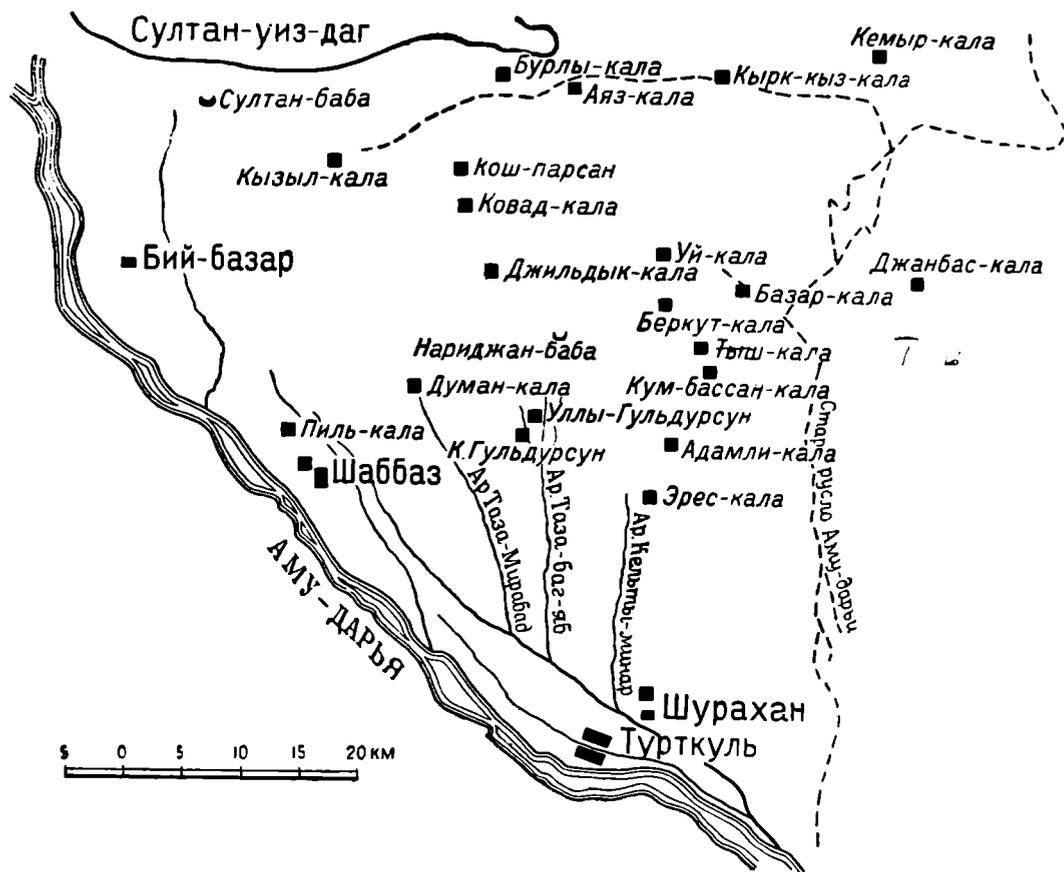

Рис. 1. Карта археологических разведок Хорезмской экспедиции МОИИМК 1937 г.

н. э., ¹ носит на себе следы поздних построек, больших ремонтов и находится сейчас в развалинах. Особенно сильно пострадала она в результате устройства здесь современного кладбища. Однако планировка крепости заслуживает самого пристального внимания, так как в ней еще сохранились черты, свойственные средневековой хорезмской крепостной архитектуре.

Относительно Шаббазы в исторической литературе сложилось определенное представление как о месте, где стоял древний Кят. ² Первое указание на это мы находим у А. Куна, составившего путевые записки о Хорезме через год после завоевания русскими Хивинского ханства. Он пишет, ³ что современный ему Шаббаз занимал четвертую часть развалин цитадели древнего Кята. С древним Кятом он связывает также гробницу Шейх-Аббавали, гробницу Кашермес-баба и полуразрушенный минарет. Знакомство

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 149.

² Там же, стр. 149.

³ А. Кун. Культура оазисов низовий Аму-дарья. Матер. для статист. Туркестанск. края, в. IV, стр. 252.

с развалинами города, на котором стоит старая часть г. Шаббаза, вызывает, однако, сомнения в приписанной им древности. В конструкции сохранившихся башен ясно выступают черты, характерные для фортификации XVIII и первой половины XIX в., классическими образцами которой следует считать укрепления гг. Хивы и Хазараспа. Незначительные наслоения культурного слоя внутри крепости состоят из остатков той же поздней поры. Развалины минарета, о котором упоминает А. Кун, были разобраны несколько лет тому назад на кирпич. Гробница Шейх-Абба-вали сильно застроена различными пристройками. Вследствие этого мы не имели возможности сделать определенные заключения об ее архитектуре и возрасте, но кажется, что она также не отличается большой древностью. Старенький мазар Кашермес-баба построен едва ли ранее XVIII в. Он находится в 1.5 км от Шаббаза и стоит на гребне высокого и массивного вала, который начинается около дороги в Бай-базар и уходит в восточном направлении. Размеры вала свидетельствуют о монументальном характере этого бывшего оборонительного сооружения. В 2.5 км от Шаббаза по той же дороге, вправо от нее, на середине озера стоят развалины крепости Пиль-кала. Крепость Пиль-кала имеет своеобразное устройство и относится, по видимому, к III—IV вв. н. э. Описание ее приводится ниже вместе с описанием крепости Аяз-кала № 1. В современном узбекском произношении звук «ф» переходит в «п», а поэтому можно предполагать, что под Пилем скрывается Филя или Фира, название известного замка хорезмшахов в г. Кяте. А если это так, то Филь, окруженный тремя параллельными стенами одинаковой высоты, над которыми возвышался дворец хорезмшахов, смытый полностью, по словам Бируни, в 994 г. н. э.,¹ сохранил свое имя в народной памяти за развалинами другого замка, стоявшего в окрестностях г. Кята. Руководствуясь приведенными данными о древних памятниках Шаббаза, можно предполагать, что отмеченный выше вал, на котором стоит мазар Кашермес-баба, является остатком стены рустака или большого рабада г. Кята, а бывшие развалины минарета и гробница Шейх-Аббаз-вали, вероятно, связаны с Кятом монгольской эпохи.

Несмотря на незначительное количество сведений, они, хотя и косвенно, подтверждают указания А. Куна на Шаббаз как место древнего Кята; сведения эти основаны, вероятно, на местном предании. Надеемся, что при организации специальной поездки в Шаббаз удастся основательнее и поновому поставить изучение важной для истории Хорезма проблемы древней столицы страны.

Наши основные разведочные работы были сосредоточены в пустынной местности, расположенной между совхозом Гульдурсун и восточными отрогами хребта Султан-уиз-даг. Опорной базой разведок служил совхоз Гульдурсун, стоящий около восточной стены развалин крепости Уллы-Гульдурсуна. Он находится в 27 км от г. Турткуля и, занимая почти центральное место среди прочих развалин, удобен для маршрутных поездок.

Остановимся прежде всего на размещении археологических памятников в этом районе.

Современный земледельческий оазис вытянулся узкой полосой вдоль р. Аму-дарьи и по арыкам, идущим от нее на С — по направлению к хребту Султан-уиз-дага. Орошенные земли вдоль арыков разделяются между собой своеобразными водоразделами из подвижных барханных песков. В 25—30 км от г. Турткуля культурные земли по арыкам обрываются, целиком уступая место пустыне. В пределах пустыни «водораздельные» гряды песков развиваются, но не теряют своего характера. Они продолжают далее в том же меридиональном направлении и сливаются на СВ с пустыней Кызыл-кум. Пространство между «водораздельными» песками занято широкими

¹ В. В. Бартольд, ук. соч., стр. 143—144.

(от 1.5 до 3 км) площадями лёссовых земель и такыров, которые служат прямым продолжением современных орошенных земель. На этих землях видны остатки древней оросительной сети, магистральные каналы которой (ширина их от 3 до 8 м) также служат как бы прямым продолжением действующей оросительной сети и имеют с ней общую ориентацию. По землям древнего орошения разбросаны многочисленные развалины городов, укрепленных селений, замков и отдельных построек. Северные сбросовые вод арыка Кельте-минар с Ю на С вытянулась цепь развалин крепостей Кум-бассан-кала, Тыш-кала, Беркут-кала и Уй-кала.¹ Севернее арыка Таза-баг-ябга лежат развалины Уллы-Гульдурсуна, Кичик-Гульдурсуна и группа развалин замков и разных построек в окрестностях гробницы Наринджан-бабы. Возможно, что система этого арыка питала также земли, начинающиеся около крепости Джильдык-кала и кончающиеся близ развалин Ковад-кала и двух замков, имеющих общее имя

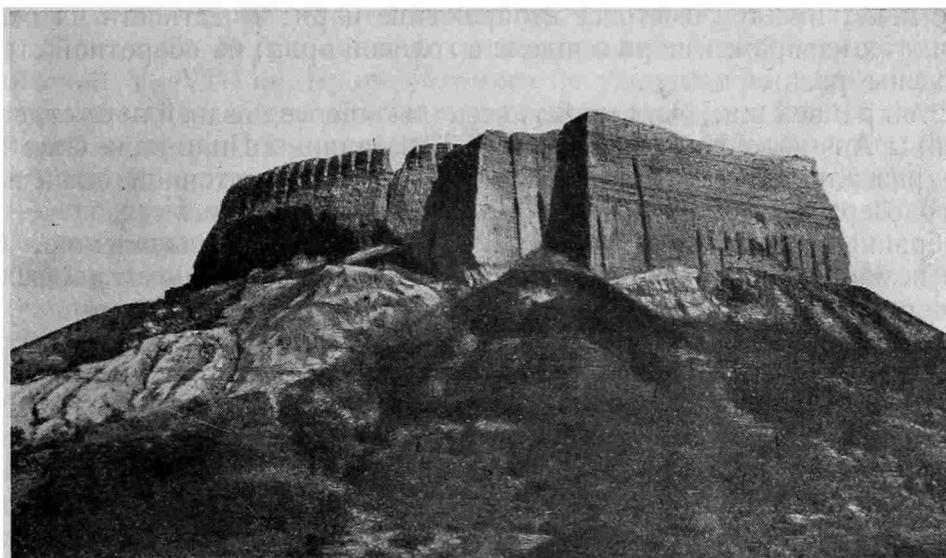

Рис. 2. Крепость Аяз-кала № 2 Вид с юго-западной стороны.

Кош-парсан, которые расположены около восточной оконечности бывшего озера Истемаса. В северном конце арыка Таза-мирабад стоят развалины крепости Думан-кала. К В от Кош-парсана и к ССЗ от крепости Уй-кала земли древнего орошения прерываются широкой полосой безжизненных солончаков, за которыми у восточных отрогов Султан-уиз-дага стоят развалины крепости Аяз-кала. Район Аяз-кала питался водой из большого арыка, пересекающего солончаковые пространства с ЮЗ на СВ. Вследствие того, что лежащие рядом с Аяз-кала развалины двух других крепостей не имеют названий, мы обозначали их номерами по порядку: собственно Аяз-кала, занимающая вершину высокого холма, обозначена № 1; замок, стоящий на невысоком холме к Ю от возвышенности с крепостью Аяз № 1, обозначен Аяз-кала № 2 (рис. 2) и, наконец, развалины в 250—300 м от Аяз-кала № 2 — Аяз-кала № 3. К В от группы крепостей Аяз-кала виднеется много развалин укреплений и построек, имеющих, кажется, непрерывную связь с цепью развалин Кумбаскан-кала — Уй-кала. Они уходят на В вдоль старого русла или протока Аму-дарьи. Эти развалины еще не

¹ Укрепления Эрес-кала и Адамли-кала не обследованы. Оросительной системе арыка Кельте-минар и землям древнего орошения к северу от нее более всего, по описанию Истахри, соответствует течение арыка Гавхоре (В. Г. А., стр. 1).

были обследованы, а потому мы пока не можем сказать о них ничего определенного.

Древнейшие находки, добытые разведками в этом районе, восходят к первым векам до н. э., а наиболее поздние — к XIV в. н. э. Таким образом они охватывают период не менее чем в 17—18 столетий. К числу древнейших находок принадлежат бронзовые наконечники стрел, несколько монет и дужка фибулы. Они собраны на песчаных выдувах в восточных окрестностях гробницы Наринджан-баба и в окрестностях Беркут-кала. Стрелы найдены нескольких типов: 1) трехгранные — втульчатые и черешковые и 2) черешковые двухперые. Трехгранные втульчатые наконечники стрел хорошо известны нам по памятникам скифской культуры в Европейской части СССР.¹ Параллели к черенковым наконечникам стрел следует искать либо в самой Средней Азии, либо в Иране.

Медные монеты, по мнению специально занимавшегося ими С. П. Толстова, были чеканены в Хорезме по бактрийским образцам. На лицевой стороне монет имеется бюстовое изображение царя; в частности на некоторых монетах изображен царь в шлеме с головой орла; на оборотной стороне изображены разные тамги.

К этой ранней или, быть может, несколько более поздней поре относятся развалины Аяз-кала № 1, Аяз-кала № 3, развалины Пиль-кала близ Шаб-база и развалины двух замков Кош-парсан близ восточной оконечности бывшего озера Истемеса.

Собранные здесь археологические материалы, к сожалению, были крайне незначительны и малохарактерны, так что мы не имеем данных для их хронологического определения.

Укрепление Аяз-кала № 3 сильно пострадало от времени и превратилось на большом протяжении в простой вал. Его массивные стены были сложены из крупных сырцовых кирпичей размером $42 \times 42 \times 10$ см. Судя по профилю вала, стены были двойными или же внутри них шел ход, подобный тому, какой мы видим в стене Аяз-кала № 1. Длина укрепления с В на З — 241 м, а ширина — 168 м. По углам стояли круглые, а по стенам ронделевидные башни. Вдоль длинных стен находилось по 7 башен (не считая угловых), вдоль восточной — 5, а в середине западной стены находились ворота, по сторонам которых стояли 2 башни. Для защиты въезда левый конец стены образует перед ним колено и вытянут на некотором расстоянии параллельно правому концу стены до одной из башен. Этим достигалось то, что боец, устремлявшийся в ворота, оказывался под ударом с правого, т. е. неприкрытого щитом, бока. Внутри укрепления против середины северной стены находятся остатки большого здания, имеющего двойные стены. Вся площадь его была разделена на множество маленьких комнаток, размерами 4×7 м и 3×5 м; всего насчитывается в нем до 40 таких помещений. Обломки глиняной посуды встречаются в разных местах укрепления, но больше всего их на поверхности развалин этого здания. Здесь имеются обломки простой посуды (хумов, горшков), изготовленной без применения гончарного круга из грубовато-промешанной глины с примесью дресвы; они имеют высокий обжиг красноватого или бурого цвета. Хумы и горшки отделялись по наружному краю широким овальным бортиком. Кроме того, встречаются обломки сосудов, чаще всего мисок, сработанных на гончарном кругу. Они делались из тонкоотмученной глины, хорошо обжигались и имеют в изломе красный цвет. Некоторые обломки снаружи и внутри крыты характерным ангобом розоватого цвета. Описанные особенности посуды с Аяз-кала № 3 позволяют сопоставлять ее с посудой,

¹ Б. Н. Граков. Техника изготовления металлических наконечников стрел у скифов и сарматов. Тр. Секции археологии РАНИОН, вып. V, М., 1930, стр. 70—90. — P. R a u. Die Gräber der frühen Eisenzeit im unteren Wolgagebiet. Покровск, 1929, стр. 34—40.

найденной экспедицией Узкомстариса на развалинах в урочище Айрытам близ г. Термеза, датированной обнаруженными там замечательными скульптурными изображениями карниза храма первых веков н. э.¹

Как отмечено выше, Кош-парсан состоит из двух замков. Оба они построены, примерно, по одному и тому же плану. Один из них, сохранившийся лучше, был обнесен прямоугольной стеной; длина сторон — от 65 до 80 м. На углах выступают круглые башни, а по сторонам стоят две ронделевидные башни. Центр двора укрепления занят остатками большого квадратного замкового сооружения — донжона. Высота сооружения, сохранившаяся над уровнем поля, не превышает 7—8 м. Вход в донжон находился в середине южной стены. Напротив него в нескольких метрах возвышается бугор от бывшей предвходной башенки (с устройством подобных башенок мы имели возможность лучше ознакомиться на памятниках V—VIII вв. н. э.). Обломки глиняной посуды встречаются на развалинах Кош-парсан в небольшом количестве. Судя по ним, выделка посуды не отличалась высотой техники. В этом отношении она ближе всего стоит к грубой посуде с Аяз-кала № 3, но нельзя также отрицать и некоторого сходства ее с керамикой V—VIII вв. Кроме обломков посуды, на территории описанного замка была найдена одна медная монета с изображением царя в шлеме с головой орла — подражание парфянскому чекану. Эта находка позволит в свое время уточнить датировку наших памятников. Кстати отметим, что по конструкции сооружений и по общей планировке замки Кош-парсан стоят ближе всего к нижеописанным замковым постройкам V—VIII вв. н. э.

Пиль-кала и Аяз-кала № 1 имеют одинаковое устройство. В виду этого мы вначале остановимся подробнее на описании лучше сохранившегося укрепления Аяз-кала № 1 (рис. 3).

Крепость Аяз-кала № 1, занимая вершину крутосклонного холма (около 60 м высотой), была доступна для военного нападения лишь с восточной стороны; к этой стороне примыкает широкое плато с отлогими скатами.

Крепость обнесена высокой стеной, сложенной из крупных сырцовых кирпичей (38 × 38 × 13 см); длина крепости с С на Ю 169 м, ширина 137 м. Время сильно сказалось на постройке, однако многие ее части, особенно с северной и восточной сторон, сохранились неплохо. Ворота расположены в середине южной стены против самого крутого склона холма и великолепно защищены башнями, фланкирующими не только самые ворота, но и подъездной путь к ним. В толще массивной стены имеется проход (нечто вроде каземата), перекрытый коробовым сводом. Над сводом по стене идет открытый ход для защитников крепости. Он прикрыт с внутренней стороны сплошной высокой оборонительной стенкой, а с внешней стороны бруствером с большим количеством бойниц, отстоящих одна от другой на расстоянии не более одного метра. Бойницы маленькие и узкие; потолок их почти горизонтальный, а пол падает так круто, что с наружной стороны они выглядят как узкие длинные щели. Такое устройство бойниц позволяло производить, с одной стороны, горизонтальный обстрел поля перед крепостью, а с другой — почти навесный обстрел подошвы стены.² Самое замечательное в устройстве крепости Аяз-кала № 1 заключается в частом расположении башен (рис. 4), которые отстоят друг от друга не более чем на 11—12 м. Башни полые, ронделевидной формы, сильно выступают из стен и имеют вследствие этого очень характерную форму. Подобно стенам, они снабжены большим количеством бойниц. В центре крепостного двора находится большая (теперь

¹ М. Е. М а с с о н. Находки фрагмента скульптурного карниза первых веков н. э. Матер. Узкомстариса, вып. I, Ташкент, 1933. — О н ж е. Археологические работы в Узбекистане за последние годы (1933—1935). Соц. наука и техника, Ташкент, 1936, вып. II, стр. 49 — Культура Востока, сборник Музея восточных культур, II, М., 1928, стр. 41—42.

² Обстрел подошвы стены в средневековых крепостях осуществлялся обычно при помощи навесных машикул.

заваленная) яма глубиной 5 м, прорубленная в скале. Возможно, что здесь был колодец.

Никаких следов древних построек и отложений культурного слоя внутри крепости обнаружить не удалось. Лишь один маленький участок восточной стены около самого юго-восточного угла крепости оказался использованным под жилье. Мусор, выбрасывавшийся отсюда наружу за

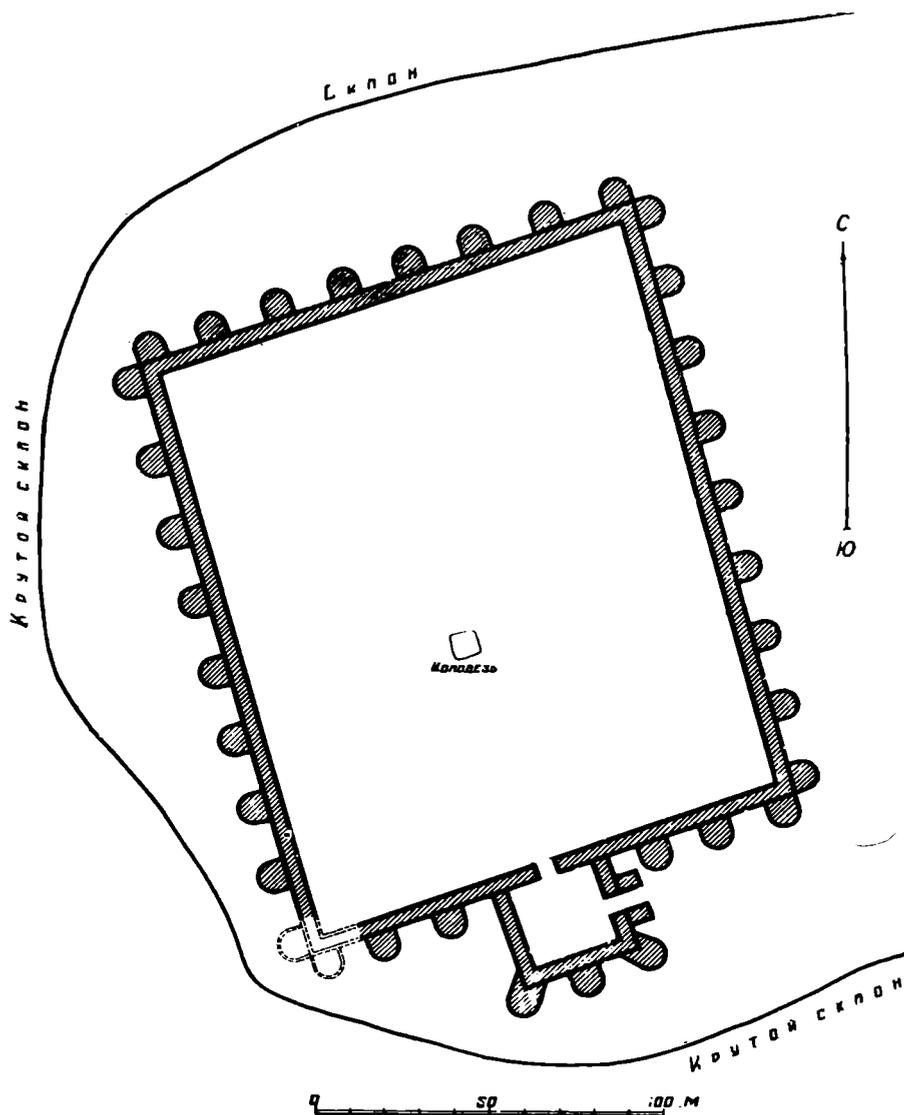

Рис. 3. Схематический план крепости Аяз-кала № 1.

стену, состоит из обломков неполивной посуды и небольшого количества обломков поливных блюд. Характер керамики позволяет уверенно отнести их к X—XII вв. н. э. Нужно предполагать, что отмеченные нами остатки постройки принадлежали пограничному посту или охотникам за дичью, котрые использовали для временного обитания стену старого, давно заброшенного, замка.¹

Пиль-кала стоит на острове посредине ширского, но не глубокого озера (1,5—2 м). Мы не будем останавливаться на описании его стен, башен и отдельных деталей, так как они не дают ничего нового по сравнению с крепостью

¹ Окрестности Аяз-кала в настоящее время посещаются главным образом охотниками на диких коз, лис и зайцев.

Аяз-кала № 1. Пиль-кала оригинальна только тем, что юго-восточный угол ее занят главным укреплением — донжоном, размеры которого придадут ему вид самостоятельного замка. Он обнесен четырехугольной высокой и весьма массивной стеной; длина каждой стороны — 54 м. Высота стен достигает 10—11 м, толщина — 6 м, стены сбиты из глины, которая уложена не обычными продольными рядами, как это делается теперь, а поперечными. При такой кладке ряды глины выступают на поверхности стены торцами; это придает ей характер кладки из больших глинобитных прямоугольных параллелепипедов. Вход в донжон находится в середине западной стены. Внутри него, вдоль двух стен, идут остатки жилой постройки, обнесенные толстой, но невысокой стенкой. В двух больших шурфах, заложенных на

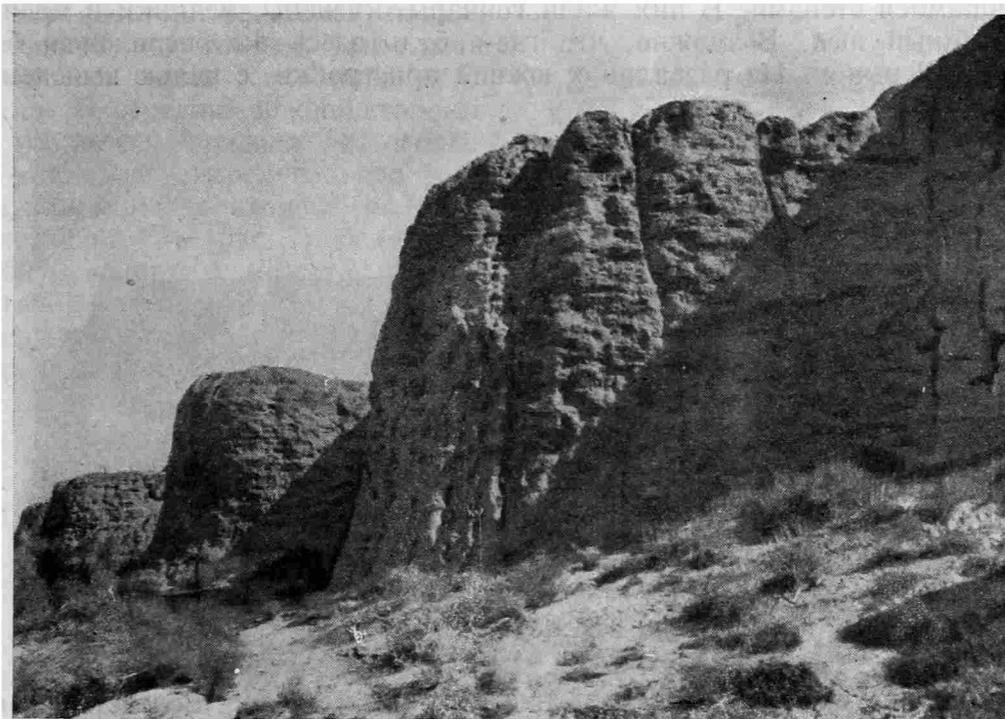

Рис. 4. Северная стена крепости Аяз-кала № 1.

развалинах Пиль-кала, встретилось несколько мелких и нехарактерных обломков глиняной посуды.

Полнее всего разведками выявлены археологические памятники V—VIII вв. н. э. К этому периоду относятся развалины крепости Беркут-кала, лежащей в 12—15 км к С от совхоза Гульдурсуна, развалины замка Аяз-кала № 2 и развалины укрепленного селения Думан-кала, расположенного в 10 км на З от совхоза Гульдурсуна.

На территории перечисленных развалин собрано около сотни домусульманских монет. На лицевой стороне монет обычно изображена голова царя в пышной короне, на оборотной стороне — всадник, вокруг которого надпись неизвестным шрифтом. Единичные монеты этого рода встречаются в нумизматической литературе; они определялись исследователями по-разному (в частности, Марков считал их монетами поздних индоскифских царей династии Турушка). Теперь эти монеты поступают в научное обращение в таком значительном количестве впервые и, что особенно важно, с точным паспортом (местонахождение ранее изданных монет было неиз-

вестно). По стилистическим признакам и техническим особенностям чекажки они близки к сасанидским монетам и условно относятся нами к V—VIII вв. н. э., что служит основанием и для определения времени, к которому относятся развалины, где они встречаются. Опыт анализа монет и дешифровка надписей на них произведенные С. П. Толстовым, подтвердили правильность намеченной нами относительной хронологии археологических памятников.

Беркут-кала (рис. 5) представляет большой четырехугольный замок, обнесенный высокой массивной глинобитной стеной (по 100 м в каждой стороне) с круглыми сторожевыми башнями на углах и вдоль стены. На юго-восточном углу ее находится четырехугольная башня, которая служила жилищем владельца замка. Снаружи к южной и восточной стенам замка прилегают развалины двух селений, обнесенные невысокими и сильно развалившимися стенами. В них жили гончары, кузнецы, медники и прочий ремесленный люд. Возможно, что где-нибудь здесь же расположен был небольшой рынок. На развалинах южной пристройки, с целью выяснения

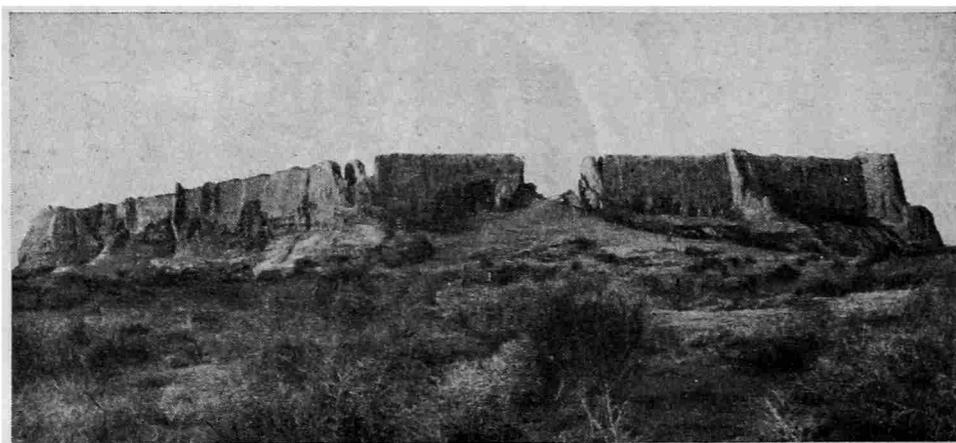

Рис. 5. Общий вид Беркут-кала с юго-востока.

стратиграфии наслоений, был заложен большой шурф. Вследствие того, что непосредственно под поверхностью оказались остатки различных жилых построек, сложенных из крупных сырцовых кирпичей,¹ мы вынуждены были на глубине 0.5—0.8 м прекратить шурфовку, так как она могла нанести ущерб целостности древних комплексов. Несмотря на незначительность раскопок, они дали ряд ценных находок, залежавших *in situ*. На площади раскопок найдены: разбитый глиняный хум, кувшин для носки воды, глиняный кухонный котел, одна монета с изображением царя, пращевой камень, камень от ручного жернова и др. В северо-восточном углу шурфа обнаружены следы каких-то жертвоприношений. Здесь, на участке между стенами, засыпанном рыхлой землей, стояло пять маленьких глиняных горшочков грубой работы. Они до половины были наполнены песком; в песке лежало по одному овечьему или козьему астрагалу, а кроме того в двух горшках лежало по одной медной монете с припаянными железными иглками. О неслучайности этого явления говорит то, что в нескольких метрах от места их находки из земли торчало горло кувшина. Кувшин внутри был тоже наполнен песком, поверх которого лежало несколько целых куриных яиц.

В 2 км к Ю от Беркут-кала стоят развалины замка Тешик-кала, а на таком же расстоянии к С находятся развалины замка Уй-кала. Своими раз-

¹ В постройках домов и замков Беркут-кала и его окрестностей употреблялись сырцовые кирпичи следующих размеров: 37 × 37 × 10; 36 × 36 × 10 и 34 × 34 × 14 см.

мерами и оснащённостью оборонительных сооружений они почти не уступают замку Беркут-кала. Естественно предположить, что владельцы всех трех замков занимали одинаково высокое положение в господствующем сословии того времени.

Полнее сохранился архитектурный ансамбль и планировка развалин Тешик-кала (рис. 6). Подобно Беркут-кала, они обнесены четырехугольником высоких глинобитных стен, имеющих по 100 м в каждой стороне. На углах стен — круглые сторожевые башни с бойницами. Внутри за стеной, параллельно ей, идет вторая, менее массивная и хуже сохранившаяся, стена. В середине южной стороны ее находится большая жилая башня — донжон четырехугольной формы, имеющий в стороне по 27 м, при высоте 13 м (рис. 7). Основание его представляет собой массивную глинобитную террасу (высотой 6 м) в форме низкой усеченной пирамиды, над которой поднимаются стены, сложенные из сырцовых кирпичей. Наружный фасад обработан неглубокими нишами; промежуткам между ними придан характер массивных полуколонн, что придает им «гофрированный» вид.

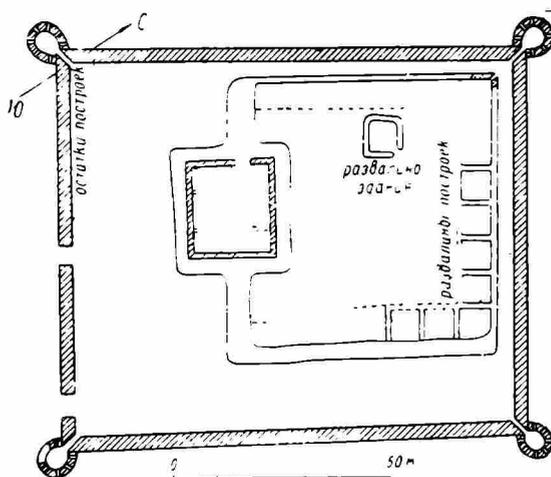

Рис. 6. План замка Тешик-кала.

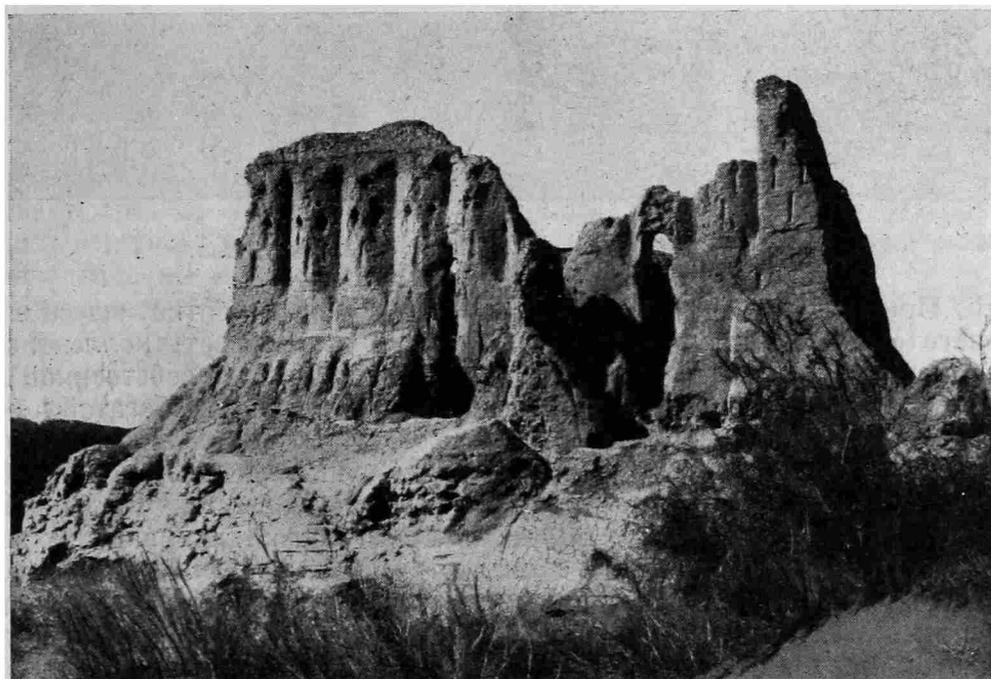

Рис. 7. Жилая башня в замке Тешик-кала. Вид с восточной стороны.

Внутри башни заметны следы стен, деливших помещение башни на несколько комнат. Во дворе, вдоль внутренних стен укрепления (подобно худжрам и медресе), вытянулись развалины небольших хозяйственных и жилых помещений, со сводчатыми перекрытиями; здесь, повидимому, жила различная челядь замка.

Стены замка Уй-кала сильно разрушились, однако донжон его сохранился еще хорошо: подобно жилой башне Тешик-кала, его внешний фасад также обработан рядом полуколонн

Остальное пространство между описанными замками представляет заброшенные поля, орошавшиеся небольшим каналом, шедшим с Ю на С. Со всех сторон, кроме северной, они окружены сплошными барханными песками. Как упомянуто выше, к С от Уй-кала тянутся солончаки, отделяющие район Беркут-кала от древнего оазиса Аяз-кала. По полям между замками на расстоянии 150—200 м друг от друга разбросано около 60 больших построек. Половина этих построек нанесена на план, обмерена и описана. Их устройство одинаково с описанными замками. Они отличаются лишь меньшими размерами и меньшей солидностью оборонительных сооружений. Эти маленькие замки принадлежали, как установлено обследованием, простым земледельцам. Земледельцы Хорезма жили главным образом не в селах или в кишлаках, а отдельными усадьбами близ своих

Рис. 8. Жилая башня замка близ Беркут-кала.

полей. При подобном образе жизни, сложившемся, вероятно, еще в эпоху родового общества, земледельцу было трудно организовать коллективную защиту своего скота, запасов, прочего имущества и даже собственной личности от военных грабежей со стороны степных кочевников, богатой и сильной знати или враждебно настроенного соседа. Нам кажется, что только исключительно тревожные условия жизни могли породить такой необыкновенный замковый характер архитектуры земледельческих усадеб. Интересно отметить, что в Хорезме под деспотической властью хивинских ханов вплоть до Великой Октябрьской социалистической революции крестьянские усадьбы сохраняли вид маленьких крепостей. Дворы замков земледельцев обносились высокими, но не очень толстыми четырехугольными оградами: обычно высота стен достигала 7—8 м, толщина — 1.5 м, длина — от 30 до 46 м, ширина — от 30 до 40 м.

В середине одной из стен или во дворе находилась одна четырехугольная жилая башня с высоко поднимающимися стенками, гладь которых нарушалась только узкими окнами бойниц (рис. 8). В мирное время хозяева замка жили, вероятно, не в донжоне, а в простых домах, стоявших во дворе замка; тут же в сараях держался скот. Кроме того, какая-то часть населения жила не в замках, а в простых неукрепленных домах, от которых сохранились сейчас лишь невзрачные груды развалин и оплывших глинобитных бугров

со следами первоначальной планировки. Часто встречаются остатки жилых построек, имеющие в плане вид длинного прямоугольника. Другие дома состояли из соединения нескольких небольших комнат.

Развалины как замков, так и всех других построек и, наконец, сама поверхность поля, теперь сильно развеянного ветром, сплошь покрыты фрагментами глиняной посуды. Всюду встречаются жернова ручных мельниц, зернотерки, целые и разбитые хумы, горшки, кувшины, глиняные котлы, круглые камни для метания из пращи, железные наконечники стрел, пряслица, точильные бруски, монеты, бусы, медные браслеты, кольца и прочие остатки былой жизни. Среди находок особо следует отметить три каменных овальных печати. На одной печати изображен скачущий конь, на другой — всадник с боевым топором в руке, на третьей — тоже всадник, сидящий на фантастическом коне, задняя часть которого изображена в виде свивающегося кольцом хвоста дракона. Под завалом стены одного дома обнаружена куча косточек винограда мерою около двух ведер.

Глиняная посуда из культурных наслоений V—VIII вв. встречается двух родов. Маленькие горшочки и котлы для варки пищи готовились без применения гончарного круга из грубо помешанной глины и обжигались на открытом огне. Большие кувшины для носки воды, кринки и некоторые другие сосуды изготовлялись из глины высокого качества на гончарном круге. Посуда этого рода обжигалась в горнах; обжиг — красного цвета и очень крепкий. Форма кувшинов настолько характерна, что она может служить руководящей при определении памятников V—VIII вв. Дно у кувшина делалось плоским и непропорционально маленьким; корпус полнотелый с сильно выпуклыми стенками; шейка высокая и кончается слегка расширяющимся венчиком; по венчику идет треугольный в сечении бережок. Ручка у кувшина сверху плоская и широкая, книзу сужается и становится округлой в сечении. Верхним концом она прикреплена к краю венчика и, не поднимаясь над ним, круто опускается на плечо у места перехода его в шейку.

Хумы лепились без применения гончарного круга из плотно помешанной глины и обжигались в горнах. Они имеют дно в форме тарелки с выпуклостью посредине. Корпус сильно выпуклый, шейка низкая, вертикальная, а вдоль венчика снаружи идет широкий гладкий или украшенный поперечными вдавлениями валик.

Орнаментация, вообще говоря, мало характерна для сосудов V—VIII вв. Посуда изредка украшена простеньким нарезным орнаментом. Чаще орнаментировались ручки у кувшинов — продольными бороздками или поперечными нарезками.

В целях разведки была раскопана жилая башня одного замка (рис. 9). Основание ее представляло собой массивную глинобитную террасу с вертикальными стенками высотой в 4 м.¹ На ней частично сохранились стены высотой 6 м, сложенные из сырцовых кирпичей. В середине северной стены находился вход на башню (№ 5 на плане), против которого в нескольких метрах поднималась предвходная башенка.

Во всех стенах на небольшой высоте от пола было проделано по 5 узких бойниц для лучного боя. Здание было разрушено пожаром: на полу лежал толстый слой золы, обгоревшие бревна, головни, прокалившиеся докрасна сырцовые кирпичи.² Конструктивные особенности стен дают право пред-

¹ Почти все донжоны замков V—VIII вв. имеют в основании более или менее высокую массивную глинобитную террасу, которая, повидимому, служила для того, чтобы затруднить пролом стены тараном или путем подкопа. В X—XII вв. с подобными массивными основаниями строились только сторожевые башни городских укреплений.

² Следы пожаров обнаружены еще на нескольких замках в окрестностях Беркут-кала, а в завале помещений двух донжонов найдены человеческие кости. Судя по этому, можно предполагать, что земледельческая культура в районе Беркут-кала погибла после какого-то военного нападения.

полагать, что крыша здания была плоской. Изучение остатков пожара подтвердило это заключение: потолок был покрыт бревнами, устланными цыновками из тростника, и залит толстым слоем глины. В климатических условиях Хорезма потолочные перекрытия подобного рода вполне обеспечивают помещение от проникновения атмосферных осадков. Помещение донжона делилось толстыми кирпичными стенами на четыре комнаты. В комнате № 1, занимающей юго-восточный угол здания, стоял разбитый

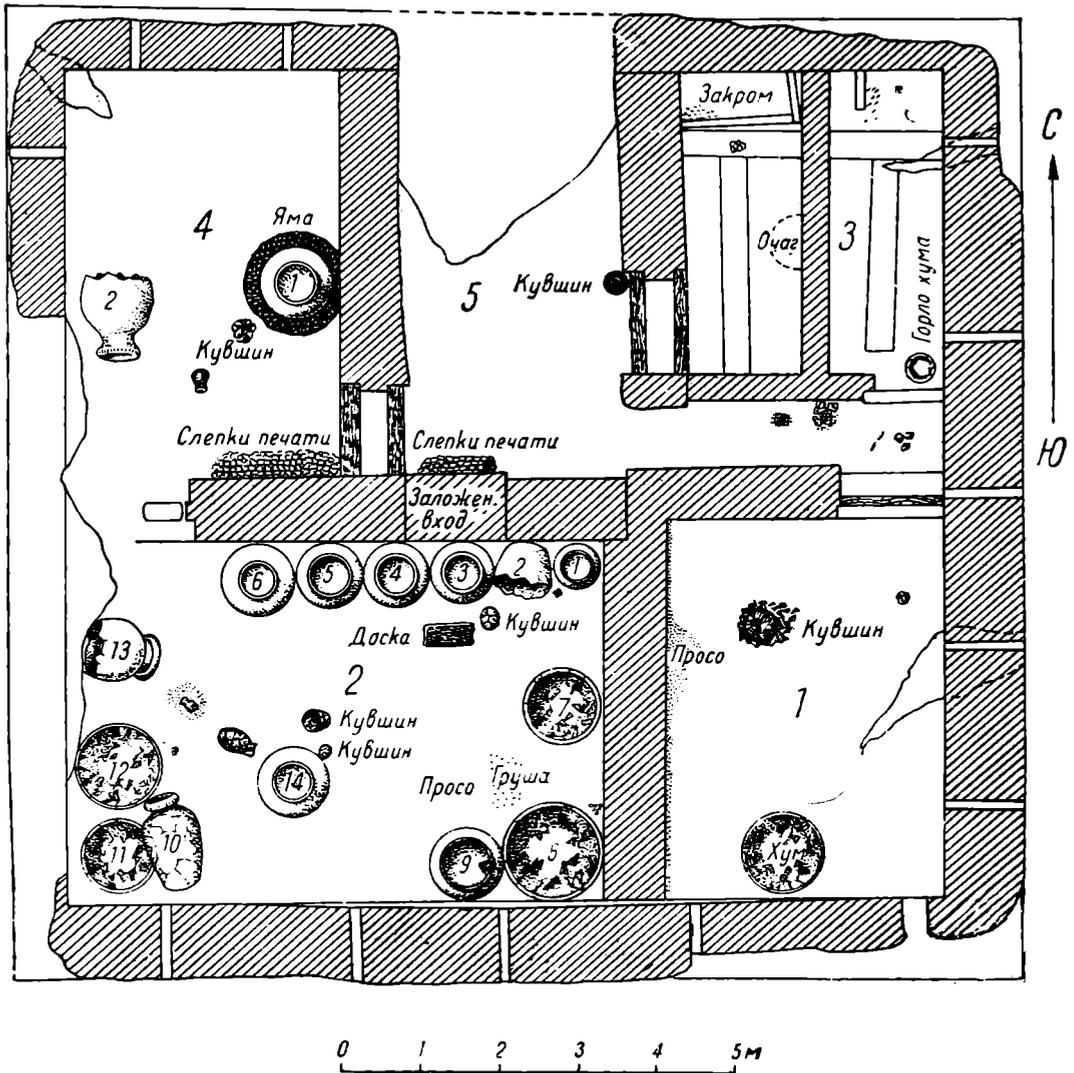

Рис. 9. План раскопок жилой башни замка № 4 около Беркут-кала.

хум, на полу лежал разбитый кувшин, под обломками которого оказалось много косточек абрикосов. Вдоль западной стены по полу рассыпано большое количество проса, перемешанного с землей. Комната № 2, занимающая юго-западный угол башни, была специально предназначена для хранения запасов воды, необходимой на случай осады. Вода держалась в 14 больших хумах, стоявших рядами вдоль стен комнат (рис. 10). Кроме этих хумов, на полу лежали разбитые кувшины, доска, кучка резаных сушеных груш, просо, нахот (горох), разбитая и обгорелая тыква (сосуд). Комната № 3, занимающая северо-восточный угол, первоначально имела назначение жилой, а позднее была приспособлена для хранения разных запасов в закромах. Южная половина комнаты служила коридором, ведущим из главного входа в комнату № 1. В комнате № 3 на полу найден кусок овчин-

ной одежды, угол простеганного на вате халата или одеяла, несколько коробочек хлопка, пучок ваты, пучок овечьей шерсти, просяная солома, сухая трава, резаные сушеные груши, тряпки от бумажной ткани, куски войлока и пр. В комнате № 4 стояли два хума. В одном из них, врытом наполовину в полу восточной стены комнаты, хранился большой запас хлопкового семени, которое сохранилось довольно хорошо. В середине комнаты лежали разбитый кувшин и кринка. Вдоль южной стены этой комнаты и главного входа по всему полу валялось много слепков круглой печати, выдавленных на больших комьях сырой глины. На печатях изображена сидящая мужская фигура с цветком над головой. Главный вход имел пол на одном уровне с остальными комнатами башни. В него, вероятно, попадали со двора, либо при помощи приставной лестницы прямо с земли, либо по подъемному мостику с вышеупомянутой предвходной башенки.

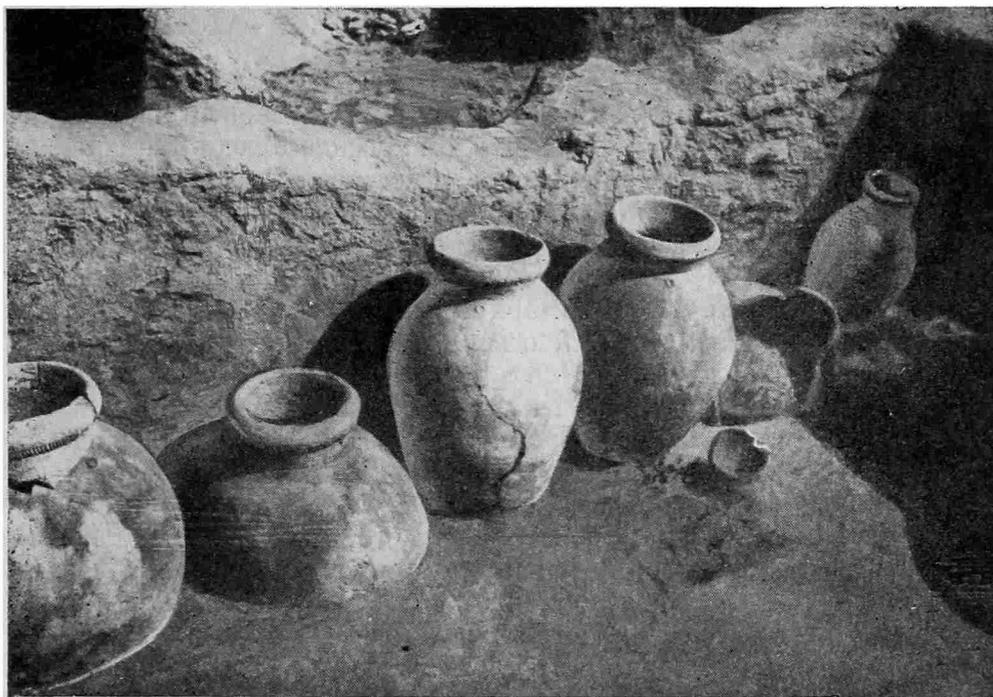

Рис. 10. Хумы для воды в комнате № 2 жилой башни замка № 4 близ Беркут-кала.

Значительное количество растительных остатков, добытых раскопками, позволяет установить существование здесь многих видов культурных растений, сортов фруктов и злаков, характер насаждений на орошенных землях и выяснить направление сельского хозяйства. ¹ О важности этого материала для изучения истории культурных растений свидетельствует, например, то, что до настоящего времени не известно ни археологических, ни письменных сведений о культуре хлопка в Средней Азии домусульманского периода. ²

Замок Аяз-кала № 2, как отмечено выше, занимает вершину конусовидного холма 25 м высоты. Он состоит из двух соединенных между собой замковых сооружений: одно большое овальное, с остатками жилых помещений внутри и сараев для скота. Стены, сложенные из сырцовых кирпичей, обработаны снаружи сплошным рядом полуколонн с бойницами.

Другой замок представляет собой высокое четырехугольное здание, низ которого сбит из глины, а верх сложен из сырцовых кирпичей. К замку

¹ Материалы по культурным растениям переданы на определение в Ботанический институт АН СССР.

² В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана. Лгр., 1927, стр. 11.

с западной стороны ведет длинный узкий коридор, кончающийся перед замком остатками небольшой башенки, с которой можно было пройти в замок при помощи подъемного моста. Внутри замка видны глубокие провалы сводчатых помещений нижнего этажа, а в одном углу сохранился целый свод с завалившимся боковым ходом. Внушительность и красота замков значительно выигрывают от положения на возвышенности.

Думан-кала состоит из развалин большого замка с донжоном на углу. С южной стороны к замку примыкает, подобно тому, как мы наблюдаем в Беркут-кала, небольшое ремесленно-торговое селение, обнесенное глинобитными стенами с сторожевыми башнями. Замок Думан-кала сильно разрушен ветрами, источен песками, а призамковое селение занесено барханами почти до самого верха стен.

Заканчивая описание археологических памятников, относящихся к V—VIII вв. н. э., следует упомянуть об изображении сцены осады или взятия замка на одном сасанидском блюде, найденном в 1909 г. близ д. Аниковской, Чердынского у. б. Пермской губ.¹ Архитектура замка на блюде, как в этом нетрудно убедиться путем простого сравнения, почти точно воспроизводит знакомые уже нам конструкции донжонов, в частности донжона замка Тешик-кала. Возможно, что аниковское блюдо принадлежит не к произведениям сасанидского искусства, а изготовлено хорезмскими мастерами. Период, непосредственно предшествовавший арабскому завоеванию Средней Азии, слабо освещен в исторической, а тем более в археологической литературе. Археологические раскопки на горе Муг в Таджикской ССР, где был обнаружен замечательный архив самаркандского царя Дивастича, впервые дали обильный материал, освещающий это интересное время, но, к сожалению, результаты их до сих пор не изданы.²

Комплекс памятников Беркут-кала открывает перед исследователями новые благоприятные и весьма широкие перспективы для дальнейшего изучения этой поры. Выдающееся значение Беркут-кала заключается в том, что ее развалины отражают любопытный, с точки зрения генезиса образования хорезмских городов, процесс перерастания усадьбы знатного лица в город. Этот зарождающийся городок окружен со всех сторон развалинами почти целой волости или «рустака», как ее называют персидские и арабские средневековые географы, с большими и малыми замками.

С нашей точки зрения замки вроде Беркут-кала, Тешик-кала, Уй-кала и некоторые другие принадлежали представителям местной аристократии рабовладельческой (домусульманской) эпохи — дихканам, а малые замки — земледельческому населению, жившему в кедах (большими семьями), о которых писал в свое время В. В. Бартольд.³

Крепости Уллы — и Кичик-Гульдурсун, развалины в окрестностях гробницы Наринджан-бабы, крепость Ковад-кала и окружающие ее развалины построек относятся к X—XII вв. н. э. В развалинах этих городов, селений, отдельных замков и жилищ встречается много археологического материала в виде фрагментов поливной и неполивной глиняной посуды, пряслиц, монет, бус, браслетов, серег, жерновов от ручных мельниц и т. д. Нужно отметить, что чаще других попадались монеты саманидских эмиров конца X в., чеканенные в г. Бухаре. Преобладание монет бухарской чеканки объясняется, повидимому, положением обследованных оазисов на главном торговом пути, который шел из столичного г. Кята в г. Бухару.

На такырах около этих памятников часто встречаются бронзовые трехгранные наконечники стрел скифского типа, медные монеты всех видов до-

¹ И. А. Орбели и К. В. Тревер. Сасанидский металл. Лгр., 1935, табл. 20.

² Согдийский сборник. Сборник статей о памятниках согдийского языка и культуры, найденных на горе Муг в Таджикской ССР. Лгр., 1935.

³ В. В. Бартольд. История культурной жизни Туркестана, стр. 37.

мусульманской чеканки и сережки «калачиком», известные по погребениям IV—VI вв. н. э. на юго-востоке Европейской части СССР.

Уллы-Гульдурсун и Ковад-кала являются развалинами ремесленно-торговых городков средних размеров. Внутри их все постройки развалились и превратились в глиняные бугры. Время мало отразилось только на крепостных стенах. Так Уллы-Гульдурсун сохранными своими стенами

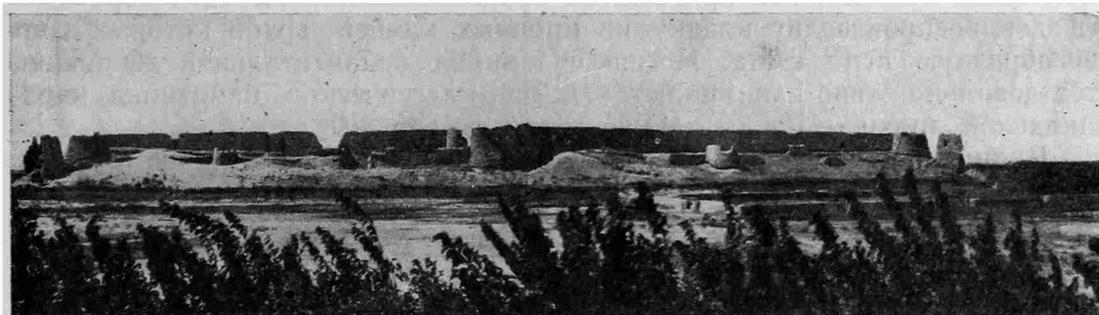

Рис. 11. Уллы-Гульдурсун. Общий вид с восточной стороны.

почти не уступает укреплениям середины прошлого столетия в гг. Хиве и Хазараспе (рис. 11). В фортификации городов X—XII вв. сравнительно с предыдущим временем виден большой прогресс, вызванный, по всей вероятности, влиянием арабской культуры. Это выражается прежде всего в более продуманном устройстве ворот, целесообразном размещении башен вдоль главных стен и окружении их снаружи брустверными стенками с ронделевидными башнями.

Особенно резко изменился архитектурный облик построек в сельской местности. Вместо мрачных замков с высокими донжонами появляются

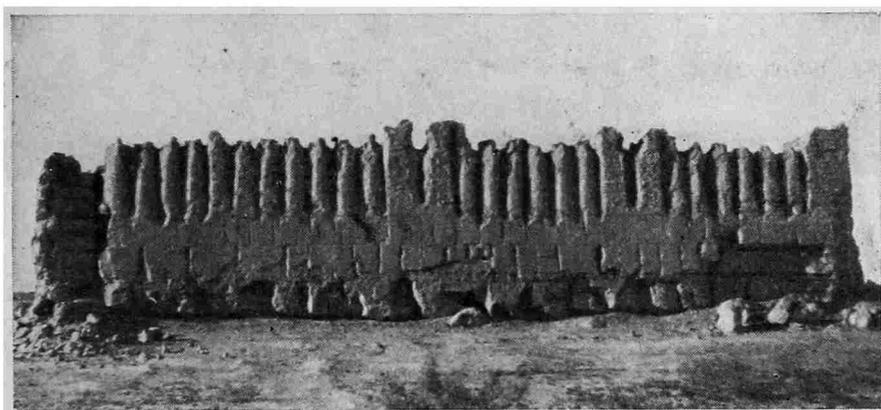

Рис. 12. Дом в окрестностях Ковад-кала.

небольшие и со вкусом выстроенные здания. Одни дома представляют в плане вытянутый (от 20 до 25 м) узкий (от 5 до 6 м) прямоугольник (рис. 12); другие имеют ту же форму прямоугольника, но в два раза короче, и снабжены по углам внешнего фасада многогранными декоративными башенками (рис. 13 и 14). Встречаются дома двухэтажные и одноэтажные; как и ранее, перекрытие домов остается плоским. Стены многих домов от пола до потолка обрабатываются рядами арочковидных ниш, назначение которых остается пока невыясненным. Фасад дома, обращенный во двор, ничем не украшается. Все внимание строителей обращается на отделку и украшение внешнего и боковых фасадов, хорошо видных снаружи. Стены домов

постоянно украшаются стройными рядами полуколонн, которые отличаются от полуколонн более древних построек меньшей массивностью и очертаниями соединяющих их сверху арок. В некоторых случаях ряды сомкнутых полуколонн перемежаются своеобразными композиционными группами, которые составлены из пар четвертин или полуколонн с арочками сверху и панно с рельефными узорами по бокам. Такие «композиционные группы» чаще всего применялись при отделке граней башенок. Нередко обработка фасадов воспроизводит кладку из крупных камней, грани которых дают своеобразную игру света. Мотивы и техника орнаментальной декорации стен довольно живо напоминают отделку классического памятника караханидской эпохи — Рабат-и-Малик близ г. Бухары.

Количество известных в печати архитектурных памятников Средней Азии, Ирана и Индии с «гофрированной» обработкой стен увеличивается

Рис. 13. Развалины дома около крепости Кичик-Гульдурсуна.

с каждым годом. Само появление такой обработки фасадов объясняют тем, что она могла придать жесткость конструкции. Стены Аяз-кала № 2, Тешик-кала и Уй-кала служат древнейшими датированными примерами применения этого архитектурного мотива. Знакомство с памятниками крепостной архитектуры позволяет высказать, в качестве рабочей гипотезы, предположение о возникновении «гофрированной» обработки из того рода бойниц, какими снабжены стены крепости Аяз-кала № 1.¹ Узкие и высокие, часто расположенные бойницы крепостей создают полную иллюзию тяжелых массивных полуколонн, на фасадах замков V—VIII вв. Интересно отметить, что эта обработка полуколоннами, как правило, и в древнейших и позднейших постройках занимает второй ярус стены, причем нижний ярус служит для нее как бы цоколем. Такое положение

¹ О памятниках с «гофрированной» отделкой см.: Б. З а с ы п к и н. Памятники архитектуры Термезского района. Культура Востока, II, стр. 17—40. — О н ж е. Архитектурные памятники Средней Азии. Сб. «Вопросы реставрации», вып. II, М., 1928, стр. 222—225. — Б. А. Ж у к о в с к и й. Развалины Старого Мерва. МАР, вып. 16, СПб, 1894, стр. 121 и 165. — И. И. У м н я к о в. Рабат-и-Малик. Сборник в честь В. В. Бартольда, Ташкент, 1927, стр. 180—192.

полуколонн, как нетрудно заметить, вполне соответствует месту бойниц на стенах древних крепостей.

Несмотря на то, что неукрепленные постройки встречаются часто, замковая архитектура еще не исчезает из быта. Замки X—XII вв. обно-

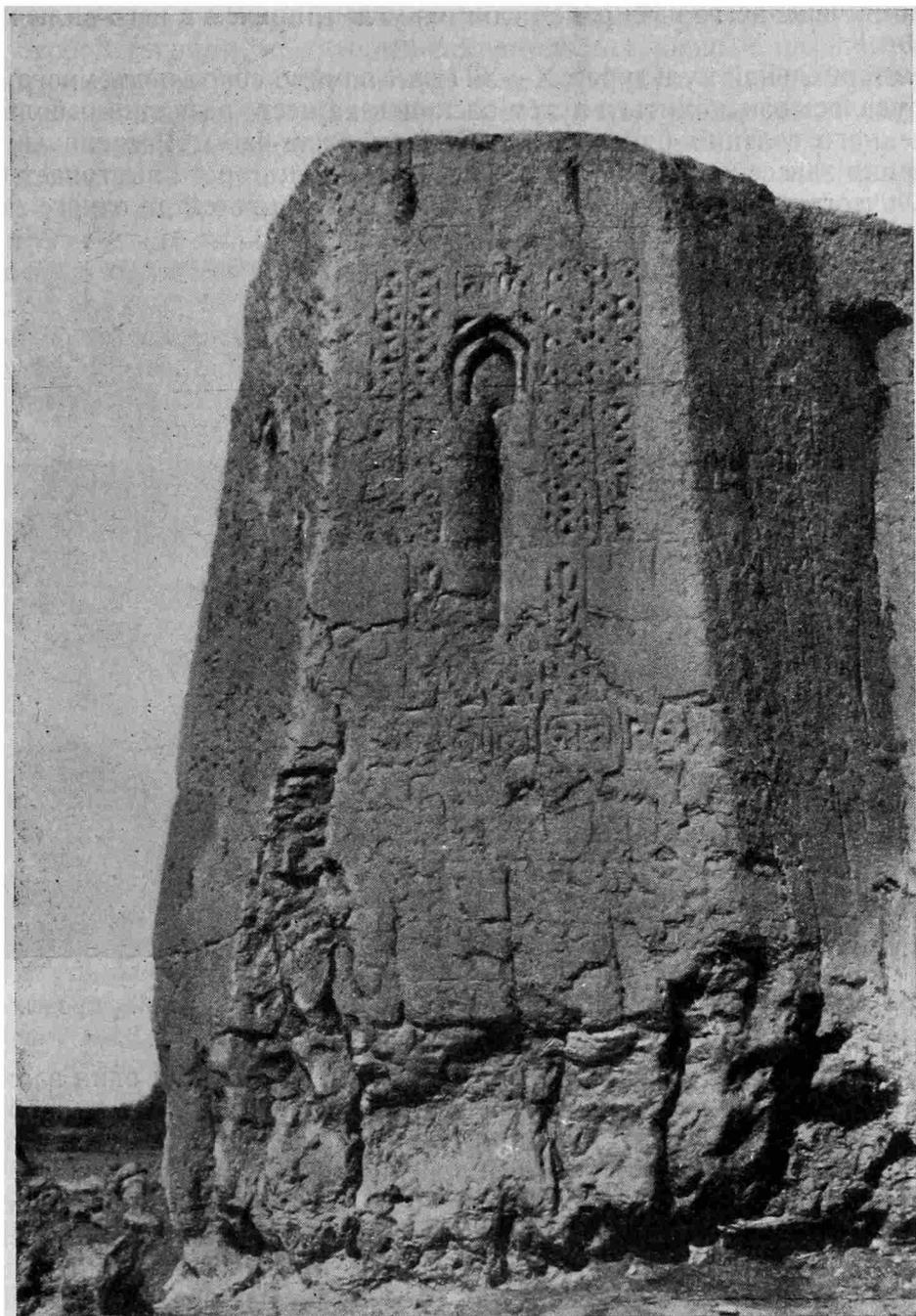

Рис. 14. Угловая башенка постройки близ Ковад-кала.

сились четырехугольными стенами с многогранными башенками на углах и вдоль стен. Та из стен, в середине которой находились ворота, служила главным фасадом. Стена, ворота и башенки на ее углах украшались композиционными группами из полуколонн и декоративных панно. Ворота воспроизводят тип распространенного в средневековом зодчестве Средней Азии портала, так наз. пиштака, с высоким и широким арочным

проездом. Иногда, чтобы затруднить проникновение врага, въезд в ворота делался крайне незначительных размеров. Посредине двора и вдоль стен замка располагались жилые и хозяйственные постройки. К сожалению, большая часть их сильно разрушилась; поэтому мы не имеем возможности восстановить архитектурный ансамбль внутренности замка. Для жилого помещения чаще всего выбирался один из углов, причем в него включалась и башня.¹

С материальной культурой X—XII вв., помимо сбора подъемного материала, удалось ознакомиться путем раскопок на месте развалин небольшого укрепленного селения близ мавзолея Наринджан-бабы. Развалины этого укрепления занесены песком, из-под поверхности которого выступает большое количество домов в виде нижних частей стен высотой до одного метра.

Рис. 15. Раскопки дома № 1 близ Наринджан-баба. Вид с южной роны.

Раскопками обнаружены развалины двух домов, из которых один занимает западную, а другой восточную половину площади. Стены домов небрежно сбиты из глины: они идут криво, местами утолщаются или утоньшаются (рис. 15). Западный дом состоит из терраски (айвана) перед входом и семи комнат небольших размеров (от 12 до 16 кв. м). В углу одной комнаты стояли глиняный кухонный котел и большой кувшин; в середине ее был вырыт маленький очажок. В другой комнате стояла печь для выпечки лепешек (тандыр), сделанная из большого хума, обложенного толстым слоем глины; рядом с печью находился большой очаг из обожженных кирпичей, на углу которого лежал обломок от хума, служивший для разноски жара в мангалы; в полу была вырыта какая-то большая яма, рядом с которой лежал кусок жернова и находился маленький очажок из кусков обожженных кирпичей. Большую половину третьей комнаты занимала лежанка (суфа). В сере-

¹ Развалины замков и жилых построек в сельской местности дают живое представление о том, как выглядел, например, рустак Миздахкан в Северном Хорезме, в котором, по сообщению Макдиси, было 12 000 замков; об этом см.: В. В. Бартольд. Туркестан..., стр. 150 — А. Ю. Якубовский. Городище Миздахкан. ЗКВ, т. V, стр. 555.

дине четвертой комнаты возвышалась небольшая четырехугольная площадка из глины, как бы стол для еды. В углу пятой комнаты находился большой очаг; на остальном пространстве ничего не найдено. Середину шестой комнаты занимал большой, несколько углубленный в пол очаг, а между ним и северной стеной в пол был врыт умывальник цилиндрической формы, выложенный из кусков обожженного кирпича. Все комнаты соединялись между собой дверями, от которых сохранились проходы с незначительными остатками дверных рам. Восточный дом, состоявший из 4 комнат, сохранился значительно хуже западного; он запустел ранее западного дома и служил местом ссыпки золы из очагов. В одной комнате середина ее была занята очагом, а около северной стены находился умывальник, выложенный из целых обожженных кирпичей в виде квадратной площадки с наклоном к центру, где над ямой с песком лежал кирпич с тремя отверстиями. В других комнатах также обнаружены очаги, жернова, корчаги и пр.

Основную массу находок при раскопках составляла неполивная посуда темного и серого обжига, изготовленная на гончарном круге. Она отличается характерной тонкостенностью, а вместе с тем и легкостью. Реже встречались фрагменты поливных блюд или мисок из глиняной массы красного обжига. Они покрыты белым или кремовым ангобом (главным образом внутри), по которому нанесен простой нарезной орнамент, роспись коричневой краской, и облиты тонким слоем стекловидной поливы. Встречаются также обломки изготовленных в формах кувшинов черного или белого цвета и богато украшенных рельефными узорами и арабскими надписями. На обломке одного кувшинчика изображен беркут, бьющий клювом зайца. Иногда встречаются также обломки котлов, выточенных из темного шифера. Среди прочих находок следует упомянуть несколько стеклянных и фарфоровых бус и медных украшений.

Несмотря на значительность площади раскопок, здесь не удалось найти ни одной монеты. Это обстоятельство, однако, не меняет дело, так как большое количество подъемного материала подобного характера в других развалинах сопровождалось монетными находками, которые, как отмечено выше, относятся преимущественно к концу саманидской эпохи.

В южном конце того же укрепления для антропологических целей было вскрыто два участка кладбища. На одном участке, где раскопана 21 могила, оказались мусульманские погребения. В могиле для покойника устраивалась из глины ниша, отверстие которой закладывалось крупными глиняными комьями, а на поверхности из сырцовых кирпичей выкладывалось прямоугольное надгробие. Покойники, повидимому, клались в саванах, головой на З, в вытянутом положении на спине или на левом боку. На другом участке, расположенном к З от первого, вскрыто семь могил, обложенных по поверхности прямоугольными надгробиями из сырцовых кирпичей. Но покойники были похоронены не в нишах или подбоях, как в мусульманских погребениях, а просто на дне ямы или в деревянном гробовище. Все покойники лежали головой на З, в вытянутом положении на спине. В пяти могилах замечены явные следы расчленения (отчленены голова, ноги и таз). На основании находки целого глиняного котла в одной мусульманской могиле можно предполагать, что эта часть кладбища относится, примерно, к одному времени с раскопанными домами. Мусульманский обряд погребения, обнаруженный при раскопках кладбища, и умывальники в домах, которые несомненно служили для омовения, указывают на глубину проникновения мусульманской религии в быт простого населения Хорезма эпохи X—XII вв. Данных для определения времени погребений с расчлененными костяками у нас пока не имеется.

Близ крепости Кичик-Гульдурсуна были произведены раскопки внутри небольшого изящного домика с полуколоннами. Внутри дома на полу лежал незначительный культурный слой, состоявший из фрагментов неполивной

и поливной посуды. В полу была сделана большая яма для хранения зерна и две круглые ямы, из которых одна, наполненная песком, служила умывальником. При раскопках во дворе этого дома встречено лишь незначительное количество фрагментов посуды и одна медная, сильно потертая, куфическая монета.

Заканчивая очерк разведочных работ, остается еще упомянуть о развалинах нескольких построек около Коват-кала, где найдены монеты XIV в. и фрагменты красивой глиняной и фарфоровой поливной посуды. Такая посуда хорошо известна по раскопкам на месте развалин золотоордынских городов на Волге¹ и по подъемным материалам из Куны-Ургенча того же периода.² К золотоордынскому же периоду относится неоднократно упоминавшийся мавзолей Наринджан-баба (Мухаммеда б. Мусы б. Дауда Абу-Абдуллаха) с надгробием, на котором имеется дата 712 г. хиджры (1312—1313 г. н. э.), повидимому, указывающая на время сооружения надгробия и самого мавзолея.

Археологические памятники XIII—XIV вв. встречаются здесь крайне редко, что отражает глубину упадка экономической жизни Хорезма, вызванного монгольским завоеванием. Но, как известно, еще более тяжело сказались на Хорезме грабительские походы Тимура конца XIV в., после которых Хорезм не мог восстановить своих сил в течение нескольких веков.

Итоги археологических разведок 1937 г. можно свести к следующим основным пунктам.

1) Выяснено, что пустынная северо-восточная окраина Турткульского и Шаббазского районов Кара-Калпакской АССР занята землями древнего орошения.

2) Археологические материалы, датированные монетными находками и стилистическими признаками, позволяют установить три этапа развития материальной культуры: первый этап обнимает первые века н. э., второй — время с V по VIII в. и третий — время с X по XIII в. Особо следует отметить то, что каждый из этих этапов характеризуется не только обычным археологическим материалом, но и ясно прослеживается по архитектуре крепостных сооружений и жилых построек хорошей сохранности. Последнее обстоятельство важно не только для изучения древнего Хорезма, но и Средней Азии вообще, так как до сих пор ее древняя (особенно домусульманская) гражданская архитектура почти не освещена в литературе.

3) Установлено, что в Хорезме V—VIII и X—XII вв. основной формой поселения в сельской местности служила отдельная усадьба, т. е. тот способ расселения, который в пережиточных формах сохранился там до Великой Октябрьской социалистической революции.

4) Материалы разведок дают возможность сильно продвинуть разработку вопроса о дикканах, которые составляли господствующее сословие домусульманской Средней Азии.

5) Выполнена основная задача разведок, заключавшаяся в учете памятников материальной культуры и в выборе мест для производства археологических раскопок в дальнейшем.

A. TERENOŽKIN

FOUILLES ARCHÉOLOGIQUES EN CHOREZME

RÉSUMÉ

La filiale de Moscou de l'Institut d'Histoire de la Culture matérielle a organisé en 1937 une mission archéologique chargée d'étudier la région de l'ancien Choresme.

¹ А. Ю. Якубовский. К вопросу о происхождении ремесленной промышленности Сарая Берке. ИГАИМК, т. VIII, вып. 2—3, 1931.

² А. Ю. Якубовский. Развалины Ургенча. Лгр., 1930, стр. 19—22.

L'auteur a exploré les districts de Turt-kul et de Sabbaz de la République soviétique socialiste autonome de Karakalpakie. Les travaux étaient concentrés surtout dans la contrée désertique comprise entre les sovkhoses de Guldursun et les contreforts orientaux de la chaîne du Sultan-Uiz-dagh.

Les objets les plus anciens trouvés ici datent des premiers siècles d'avant notre ère, les plus récents du XIVe siècle. Les premiers comprennent des pointes de flèche en bronze, plusieurs monnaies, etc.

Les monuments archéologiques des V—VIIIe siècles ont été reconnus avec le plus de plénitude. A cette époque appartiennent les ruines de la forteresse de Kerku-kala, celles du château d'Ajaz-kala № 2 et celles du village retranché de Duman-kala. On a recueilli sur le territoire des ruines une centaine de monnaies prémusulmanes.

Les ruines des châteaux et des autres constructions renferment une quantité de fragments de vaisselle d'argile.

La quantité considérable de restes végétaux permet d'établir l'existence d'un grand nombre d'espèces de plantes cultivées et de déterminer l'orientation de l'agriculture dans le passé.

Le complexe des monuments de Berkut-kala reflète le processus de transformation de la maison du noble en ville, entourée de tous côtés de ruines de «rustaka» aux châteaux petits et grands, qui à l'époque des Sasanides appartenaient d'après l'auteur à des agriculteurs libres portant le nom non différencié de «dikhkan».

Les objets trouvés au cours des fouilles dans les ruines d'un petit village près du mausolée de Narindzan-baba ont permis, avec ceux ramassés à la surface, de faire connaissance avec la culture matérielle des X—XIIe siècles. Ils consistent dans leur masse essentielle en vaisselle de terre cuite non vernie de couleur foncée ou grise. Comme autres objets, il convient de mentionner plusieurs perles en verre et en porcelaine.

Malgré la surface considérable des fouilles, on n'a pas réussi à découvrir ici de monnaies, mais des monnaies se rapportant à la fin de la période des Sasanides ont été recueillies dans les autres ruines.

Dans les ruines des environs de Kovat-kala, on a trouvé des monnaies du XIVe siècle et des tessons de vaisselle d'argile.

Les résultats des explorations archéologiques de 1937 peuvent se résumer comme suit.

1) Il est établi que la périphérie nord-est des districts de Turt-kul et de Sabbaz était occupée par des terres irriguées.

2) Le matériel archéologique récolté permet de distinguer trois étapes dans l'évolution de la culture matérielle: la première embrasse les premiers siècles de notre ère, la seconde va du Ve au VIIIe siècle et la troisième du Xe au XIIIe. Chaque étape est caractérisée, abstraction faite des objets archéologiques ordinaires, par les traits architecturaux de constructions bien conservées.

3) La forme fondamentale d'habitat rural dans le Choresme des V—VIIIe et X—XIIe siècles était la maison de campagne isolée, qui s'est maintenue à l'état de survivance jusqu'à la Révolution d'Octobre.

4) Les matériaux recueillis permettent d'approfondir la question des dikhkans qui constituaient la classe dominante de l'Asie Centrale prémusulmane.

5) Les explorations accomplies ont reconnu les monuments de la culture matérielle et choisi les points où des fouilles archéologiques doivent être entreprises par la suite.